

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-173-178

«ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НЕРАЗБЕРИХИ»: ПЕРЕПИСКА СТИВЕНА МАККЕННЫ СО СТИВЕНОМ МАККЕННОЙ ПО ПОВОДУ ПОСЕЩЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

© Мария Асташенкова

“THIRTY YEARS OF CONFUSION”: THE CORRESPONDENCE BETWEEN STEPHEN MCKENNA AND STEPHEN MCKENNA ON THE OCCASION OF HIS VISIT TO LEO TOLSTOY

Maria Astashenkova

This article examines the history of the Irish-born journalist S. McKenna's visits to Leo Tolstoy. He first visited Yasnaya Polyana in 1905 to interview the writer about the Bloody Sunday. Having studied McKenna's letters, I clearly understand that he visited Tolstoy twice (the second time was presumably in 1907). In 1927, against the wishes of the journalist himself, the story about his visit to the Russian writer reached the Irish press, in which Tolstoy was presented as a “muzhik” (a peasant, a kerne) sitting behind a dirty tablecloth. Such an image aroused indignation among British Tolstoyans, E. Mood in particular. By an ironic coincidence, Mood was preparing to avenge such an image of Tolstoy not on McKenna himself, whose description was the basis for the article in the Irish magazine, but on his British namesake, the novelist S. McKenna. This article provides an analysis of the correspondence between the two namesakes from October 1927; it discusses the figure of Tolstoy and the history of the journalist McKenna's visits to Yasnaya Polyana. McKenna's figure is of great interest both in the context of a more global topic about Tolstoy's relationship with Ireland and in terms of biographical issues.

Keywords: Leo Tolstoy, S. McKenna, Bloody Sunday, Irish press, E. Mood

В статье рассматривается история посещений Л. Н. Толстого журналистом ирландского происхождения С. Маккенной. Впервые он посетил «Ясную Поляну» в 1905 году, чтобы взять у писателя интервью по поводу Кровавого воскресенья. Как стало ясно после изучения писем Маккенны, в гостях у Толстого он бывал дважды (второй раз – предположительно в 1907 году). В 1927 году в ирландскую прессу, против желания самого журналиста, просочился его рассказ о посещении русского писателя, в котором Толстой был представлен как «мужик». Подобный образ вызвал негодование у британских толстовцев, в частности у Э. Моода. По иронии судьбы Моод готовился «отомстить» за подобное изображение Толстого не самому Маккенне, со слов которого и была написана заметка в ирландском журнале, а его тезке, британскому романисту С. Маккенне. В статье анализируется переписка этих однофамильцев от октября 1927 года, в которой обсуждается фигура Толстого и история посещений Маккенной-журналистом Ясной Поляны. Фигура Маккенны представляет большой интерес как в контексте более глобальной темы о взаимосвязях Толстого с Ирландией, так и с точки зрения вопросов биографических.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, С. Маккенна, Кровавое воскресенье, ирландская пресса, Э. Моод

Для цитирования: Асташенкова М. «Тридцать лет неразберихи»: переписка Стивена Маккенны со Стивеном Маккенной по поводу посещения Л. Н. Толстого // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 173–178. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-173-178

В конце жизни Л. Н. Толстого Ясная Поляна стала своеобразным местом паломничества тех, кто хотел прочувствовать его философию или получить совет. Репутация писателя как одного из ярчайших религиозных и общественно-политических деятелей своей эпохи не только

способствовала интересу к его личности, но и вынуждала его реагировать на последние события в стране. Корреспондент Гарольд Вильямс (Harold Williams) практически сразу после событий 9 января 1905 г., вошедших в историю как Кровавое воскресенье, писал в немецкой газете «Manchester Guardian»:

«Нам важно знать, что Толстой думает о великих событиях сегодняшнего дня. И когда насилие поднимает голову, как это произошло недавно в Петербурге, то естественно обращаешься к величайшему из всех живущих русских людей за объяснением трагедии» [1].

Сам Толстой в это время, как известно, много размышлял о непротivлении злу, о насилии и необходимости его искоренения, о возможности свержения правительства и возможности революции.

В 1905 г. имение писателя посетили ряд иностранных гостей. Многие из них были командированы в Россию с целью взять интервью у Толстого. 19 января 1905 г. Д. П. Маковицкий сделал следующую запись:

«Утром приехал Davitt, вождь ирландцев, и корреспондент „New York World“ Mackenna. Пробыли всего час. Вопросы были у них заготовлены, ответы стенографировали, обо всем спросили и успели вернуться к поезду, который приходит в Тулу после 12 часов» [2, с. 139].

Фигура М. Дэвитта, главного борца за свободу Ирландии и предводителя земельного движения в своей стране, а также история его знакомства с Толстым могут стать темой отдельного исследования. В этой же статье мы сфокусируемся на втором посетителе – ирландце Стивенне Маккенне.

Маккена был уроженцем Ливерпуля. Он прославился как писатель и – в большей степени – как переводчик. Наибольшую популярность он получил благодаря английскому переводу трудов древнегреческого философа Платона. Литературный стиль Маккенны вызывал всеобщее восхищение; он оказал влияние на многих своих современников, включая У. Б. Йейтса [3, с. 230], У. Б. Стэнфорда [4, с. 97] и Дж. М. Синджа [5, с. 131].

Что касается его гражданской деятельности, то Маккена был ярким ирландским националистом и членом Гэльской лиги [6, с. 190–206]; выступал за полную независимость Ирландии от Англии, за сохранение и распространение ирландского языка. Он представлял себе будущее, в

котором Ирландия будет полностью освобождена от всего английского:

«Я не знаю, как освободить или обустроить Ирландию <...>; все, что я знаю, это то, что я не могу представить себя счастливым на небесах или в аду, если Ирландия <...> всегда будет английской» [7, с. 131] (здесь и далее перевод наш. – М. А.).

Вследствие такого видения будущего Ирландии Маккена выступал против англо-ирландского договора, завершившего ирландскую войну за независимость [6, с. 198]. Маккена был противником насильственных способов решения политических конфликтов; начало Первой мировой войны в 1914 г. он воспринял как катастрофу для всех сторон. Так же он отреагировал на знаменитое Пасхальное восстание 1916 г., организованное воинствующими ирландскими националистами в Дублине: несмотря на свои довольно радикальные взгляды на англо-ирландский вопрос, такие методы решения проблемы он не одобрял.

В 1903 г. Маккена стал штатным журналистом американской газеты «The New York Word». В ноябре 1904 г. он был отправлен в Россию для изучения внутривосточной ситуации, породившей первую русскую революцию. В период своего пребывания в России он взял интервью у ряда высокопоставленных чиновников, в том числе у генерал-губернатора Санкт-Петербурга Д. Ф. Трепова; у князя П. Д. Долгорукова, графа Хейдена и др. Он был одним из немногих иностранцев, допущенных на исторический земский съезд в Москве; он выяснил прискорбные детали потемкинского мятежа и его ужасные последствия [7, с. 23–24]. Маккена был глубоко тронут событиями российской истории, свидетелем которых он стал. Он понимал, что они имеют огромное значение для развития западной цивилизации, в июле 1905 г. он писал:

«Япония и Россия, по-видимому, хранят в себе большую часть секретов будущего мира, и Россия в большей степени, чем Япония <...>. Пробуждение России – это самый интересный факт наших дней <...>. В мире появится новая сила, которая начнет действовать, <...> произойдут ответные изменения, как прямые, так и в виде реакции, подобные тем, которые были вызваны великими освободительными движениями столетней давности» [Там же, с. 25].

К 19 января 1905 г., когда Толстой лично познакомился с Маккенной, первый уже начал работу над статьей «Об общественном движении в России». По свидетельству Маковицкого, ответ Толстого ирландским журналистам практически дублировал тезисы статьи [2, с. 139–140]. О са-

мом разговоре в дневниках Маковицкого сохранилась лишь небольшая заметка. Из нее мы узнаем, что в ходе беседы Толстой поинтересовался, какой веры придерживаются его гости. Девиэт назвал себя «свободным католиком, не признающим ни папы, ни священников» [Там же, с. 140]; Маккенна ответил, что родился католиком, теперь же «ближе всего к Эмерсону и, пожалуй, к вам (к Толстому. – М. А.)» [Там же, с. 140].

Имя американского философа Р. Эмерсона в этом диалоге упомянуто неслучайно. У себя на родине, в США, он возглавлял трансценденталистское движение середины XIX в. Речь 1837 г., вошедшую в историю под названием «Американский ученый», называли «интеллектуальной декларацией независимости» [8, с. 263] всей Америки. Самыми показательными из его трудов считаются сборники 1841 и 1844 гг. (без названия, первая и вторая серия), в которых Эмерсон призывает людей быть оригинальными и не бояться выражать свои идеи и убеждения, даже если те противоречат общественным нормам; говорит о важности принятия риска и отказа от конформизма; утверждает, что только тот, кто решается смело идти против течения, может достичь успеха и духовного освобождения; подчеркивает, что истинная самодостаточность требует смело-сти принимать решения и отказываться от стереотипов. Кроме того, в эссе Эмерсон утверждает, что наблюдение за природой и самообразование могут быть источниками мудрости и вдохновения.

Диалог Толстого с американскими трансценденталистами конца XIX – начала XX вв. уже становился предметом рассмотрения (см. напр.: [9]). Объединяет их влияние философии Платона, классического немецкого идеализма, а также философии Востока. В годы, характеризующиеся общим охлаждением к религии как в России, так и на Западе, Толстой и трансценденталисты утверждали веру в божественное начало в душе человека. Сам Толстой так высказывался об американских ученых:

«Эта плеяда удивительная была: за освобождение рабов; унитарство – отрицание божества Христа, требование разумной религии, вот прекрасная тема для писателя: написать об этом книжку. Я постоянно говорю об этом американцам. Это были удивительные писатели, но аудитория плоха» [2, с. 216];

«У американцев была плеяда замечательных писателей, начиная с Чаннинга, основателя унитаризма, – Баллу, Торо, Эмерсон... Не могу простить Тургеневу, что он просмотрел (это движение. – М. А.)» [Там же, с. 227].

Но, несмотря на очевидную связь Толстого и американских мыслителей, а также на то, что Маккенна действительно интересовался Эмерсоном и даже выписывал его цитаты в записную книжку наравне с цитатами Шопенгауэра, Ницше, Платона и Марка Аврелия и других [7, с. 20–21], реплика его в разговоре с Толстым, как кажется, скорее показывает желание поддержать разговор и, возможно, получить расположение Толстого, завоевать его доверие упоминанием Эмерсона. Однако, как будет показано, отношение к нему Толстого было далеко от дружелюбного.

Вскоре после визита ирландских гостей в газете «The New York World» (№от 3 февраля) была опубликована телеграмма специального корреспондента Маккенны, передающая его разговор с Толстым о событиях 9 января. Ее приводит в записи от 24 февраля Маковицкий:

«Преступление, совершенное в Петербурге, ужасно. Оно тройне отвратительно: тем, что правительство предписывает убивать народ, тем, что солдаты стреляли в своих. Вы помните, что, когда женщины из народа нахлобучили на голову Людовiku XVI шапку свободы и пригласили его взяться с ними за руки и танцевать, он не согласился. Точно так же народ в Петербурге не мог ожидать, чтобы царь появился перед ними, и агитаторы это прекрасно знали» [2, с. 188].

В ответ на вопрос о том, что будет, если народ увидит, что царь не оправдал его надежд, – поднимется ли он тогда, – Толстой ответил:

«Как он (народ. – М. А.) может? Как он может работать план борьбы? Как вести сношения для организованного восстания? Как устоять безоружным против организованной военной силы, которая ставит дисциплину выше совести и не останавливается перед многочисленными братоубийствами? Никогда не будет в России вооруженной, всенародной революции. Сознательно или бессознательно, народ знает, что к добру ведет не оружие и убийство, но духовное просвещение; знает, что единственный допустимый и целесообразный способ действия есть пассивное сопротивление и борьба путем воспитания» [Там же, с. 189].

Заметка, опубликованная Маккенной по итогам посещения Ясной Поляны, конечно, не дает исчерпывающих сведений о том, как складывались отношения его с Толстым. Не вошла в нее и история, которая тем не менее распространилась среди знакомых Маккенны и позже стала предметом споров в британских кругах. Эту историю приводит британский филолог и биограф Маккенны Эрик Доддс в своих воспоминаниях о нем, причем передает ее со слов самого Маккенны:

«Однажды зимой в начале этого столетия Майкл Дэвитт и я отправились в Ясную Поляну, увидели графа Толстого, который выглядел в высшей степени по-деревенски, прогуливаясь по его лесам, долго стучались в его дверь, и, наконец, нас впустил мужик Толстой, такой же мужественный, как на любой из современных фотографий, он сидел за столом, накрытым по-крестьянски, на скатерти, испачканной пятнами от яиц и кофе, – и, я думаю, никогда больше ни один из нас не чувствовал себя так спокойно от доктрины, провозглашаемой из этого сценического святилища. Конечно, хочется верить, что душа этого человека <...> была благороднее, чем его занятия; конечно, его смерть – опять же с оттенком театральности? – была трогательной» [7, с. 24].

Рассказ этот позднее, уже в конце 1920-х гг., был опубликован в журнале «The Irish Statesman» и вызвал негодование со стороны британских последователей Толстого. Одним из тех, кто оказался вовлечен в эту историю, был полный тезка журналиста, взявшего в январе 1905 г. у Толстого интервью, – британский писатель Стивен Маккенна.

Дело в том, что в британских литературных кругах в конце XIX – начале XX в. с ирландской фамилией «Маккенна» была связана комичная история. Носителем ее был также еще один известный в высшем обществе писатель по имени Стивен Маккенна, полный тезка знакомого Толстого. Второй Маккенна (1888–1967) прославился как английский писатель, автор романов о высшем английском обществе. Круг общения однофамильцев, так или иначе связанных с британскими литературными кругами, был схожим. История двух литераторов с одним, не самым популярным, сочетанием имени и фамилии стала поводом для бесчисленных курьезных ситуаций. Маккенн постоянно путали [Там же, с. 246]. В письме к некоей Грейз Тернбулл Маккенна-переводчик рассказывал о «тридцати годах неразберихи» [Там же, с. 320] из-за полного совпадения имен его и Маккенны-писателя, который был вынужден отвечать за все «неблагоразумные действия» своего тезки. В частности, в письме упоминается история о том, как жену Маккенны однажды чуть не депортировали из Вены за то, что она якобы выдавала себя за жену неженатого человека – холостого британского писателя Маккенны [Там же, с. 320]. Его незадачливому тезке-переводчику неоднократно приходилось извиняться перед однофамильцем за то, что тень его «прегрешений» падает на честного человека. По его словам, писатель всегда благородно извинял его.

К моменту распространения истории о Толстом они уже были знакомы. В 1927 г. Толстой

стал предметом их обсуждения. Эта эпистолярная история началась с того, что Маккенна в очередной раз извинялся перед тезкой за то, что у того могут быть из-за него проблемы. По его словам, история, опубликованная в «The Irish Statesman», очень разозлила одного из главных английских сторонников и последователей Толстого Эйлмера Моода; он даже готовил «возмездие» Маккенне за то, что рассказанная им история получила огласку [Там же, с. 245]. По всей вероятности, Моода глубоко оскорбило то, что Толстой описывается карикатурно и предстает перед публикой в крайне невыгодном свете. Курьез ситуации состоял в том, что из-за полного совпадения имен Моод ошибочно собирался «наказать» британского писателя, не имевшего к истории с Толстым никакого отношения, и готовился к «серьезному разговору» с ним на заседании комитета Сообщества писателей (the Authors' Society. – М. А.) Незадачливый тезка обещал «прояснить этот вопрос», то есть разъяснить Мооду, что британский писатель Маккенна ни в чем не виноват, но честно признавался в письме, что, возможно, «не найдет в себе на это смелости» [Там же].

Интересно, что своим письме Маккенна, подготавливая тезку к возможным неприятностям, среди прочего пишет:

«Очень странная вещь – не относящаяся к делу, но, безусловно, очень странная – это то, что Толстой сказал мне во время второго визита примерно через два года после резни в Зимнем дворце, что вы навещали его незадолго до этого» [Там же].

Этот пассаж допускает сразу два предположения: первое – Маккенна-интервьюер был в Ясной Поляне минимум дважды; в письме он прямо упоминает «второе посещение» спустя два года после «*the massacre at the Winter Palace*» – «резни в Зимнем дворце», как завуалированно он назвал Кровавое воскресенье. Это значит, что Маккенна мог быть в гостях у Толстого не только в январе 1905 г., но и предположительно в 1907 г.

Второе предположение – в Ясную Поляну мог приезжать и британский писатель Стивен Маккенна, причем, судя по всему, также около 1907 г. Однако предположение Маккенны, конечно, было ошибочным: британец никогда не бывал в России и уж тем более не был знаком с Толстым. Путаница, как и всегда, произошла из-за их имен. Так, Маккенна-писатель в ответном письме иронизирует:

«Увы, вы не сообщаете мне никаких подробностей о моем визите к Толстому! Если бы я знал, какую роль

сыграл, я бы повторил это для Моода. Полагаю, вы свободно владеете русским языком?» [Там же, с. 247].

Он очень дружелюбно и без доли обиды воспринял историю с готовившейся «мстью» Моода и даже писал тезке о том, что сам поговорит с ним и постарается уладить ситуацию [Там же]. Однако непрекращающаяся путаница с именами и в истории с Толстым сыграла свою роль. В следующем письме Маккенна-переводчик, поняв по ироничному комментарию тезки, что тот никогда не бывал в Ясной Поляне, писал:

«Таков итог этого нескончаемого фарса – что-то вроде 50-летней китайской пьесы – Т., очевидно, принял меня за меня, а я принял себя за вас» [Там же].

Наконец, в заключительном из дошедших до нас писем, относящемся к октябрю 1927 г., сам Маккенна-переводчик рассказывает о втором визите в Ясную Поляну:

«Во время второго визита мне сначала отказали в приглашении, а потом из-за чистой наглости и вульгарной неучтивости я увидел сына (как мне кажется, Леву) и узнал от него, что Т. сильно невзлюбил некоего Стивена Маккенну, газетчика, который навестил его за несколько месяцев до этого: поскольку мой предыдущий визит состоялся гораздо раньше и поскольку я рассудил, что никто не может испытывать ко мне неприязни, я пришел к выводу, что это были вы. Конечно, я не предавал вас: просто убедил сына, что это, должно быть, был какой-то подонок из Чикаго Маккенна; и провел 2 или 3 часа в торжествующей беседе с * * * (Толстым. – М. А.)» [Там же, с. 249].

Как можно понять из отрывка, Маккенна действительно дважды посещал Ясную Поляну, но второй раз – по стечению обстоятельств – остался неузнанным Толстым и его семьей, что удивительно, если учесть, что сам Толстой, очевидно, невзлюбил ирландского журналиста – за что, прояснить бы.

Упоминает Маккенна и первое посещение Толстого:

«Я отправился туда с Майклом Дэвиттом, который хорошо знал Т. по предыдущим визитам, когда Т. и М. оба были не в себе из-за какого-то таинственного „Единого налога“, пропагандируемого каким-то „Джорджем“¹» [Там же].

Очевидно, в то время как Толстой и Дэвитт довольно увлеченно обсуждали земельный вопрос в Ирландии и России, Маккенна не понимал предмета их разговора и тем более не мог оценить степень влияния трудов Генри Джорджа на Толстого.

В заключение Маккенна выражает надежду, что инцидент для его тезки исчерпан, и умоляет не выдавать никому его адреса и контактов: «Тол. общество в ярости, и оно отправит в поход целые армии, чтобы устроить мне заговор» [Там же, с. 250], – завершает ирландец свое письмо, и на этом «толстовская переписка» октября 1927 г. была окончена.

Подведем итоги. Фигура Стивена Маккенны представляет большой интерес как в контексте более глобальной темы о взаимосвязях Толстого с Ирландией, так и с точки зрения вопросов биографических: о его посещении Толстого в 1905 г. свидетельств в русскоязычном пространстве сохранилось крайне мало, а о втором посещении – предположительно 1907 г. – не сохранилось вообще. По этой причине восстановить, как сложилось их знакомство и как воспринял ирландского журналиста Толстой, почему он впоследствии испытывал к нему неприязнь, практически невозможно без опоры на иностранные источники. Остается еще много вопросов, связанных с литературной позицией самого Маккенны, с тем, с какими произведениями и статьями Толстого он мог быть знаком к январю 1905 г., а также с тем, какое впечатление произвел ирландец на домочадцев Толстого, какая реакция была за границей на публикацию Маккенны в 1905 г. Эти вопросы могут стать предметом дальнейших исследований.

Список источников

1. Williams H. A. Visit to Count Tolstoy. Views on the crisis. Some interesting Table-Talk // Manchester Guardian. 1905. February 9.
2. Маковицкий Д. П. [Дневник] 1905 // Маковицкий. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки»: В 5 кн. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1979–1981. Кн. 1: 1904–1905. М., 1979. С. 121–482.
3. Yeats W. B. The Collected Works of W. B. Yeats Vol. III: Autobiographies. New York, 1999. 560 p.

¹ Генри Джордж, американский политэконом и публицист, развивал в своих трудах идею о том, что каждый владеет созданным им продуктом, однако все природные блага (прежде всего земля) принадлежат в равной степени всему человечеству. Джорджизм зачастую ассоциируется с идеей единого налога. Толстой зачитывался главным трудом Джорджа – «Про-

грессом и бедностью» («Progress and Poverty») и в письме к Николаю II прямо писал о том, что ему необходимо реализовать в России идеи Джорджа. Во время визита в январе 1905 г. Толстой активно обсуждал идеи Джорджа с Майклом Дэвиттом, который был лично знаком с американским публицистом и в целом тоже разделял его идеи.

4. Deane S. The Field Day Anthology of Irish Writing. Vol. 3. Derry, 1991. 1483 p.
5. Lynch A. Synge // The Irish Statesman. Dublin, 1928. 11 (7).
6. Murray J. Stephen MacKenna and Plotinus // An Irish Quarterly Review. No. 102. 1937. С. 190–206. URL: <http://www.jstor.org/stable/30097402>. (дата обращения: 24.12.2024).
7. Mackenna S. Journal and letters of Stephen Mackenna. London, 1936. 354 p.
8. Richardson R. D. Emerson: The Mind on Fire. Berkeley, 1995. 671 p.
9. Алексеева Г. В. Американские диалоги Льва Толстого (по материалам личной библиотеки Л. Н. Толстого). Тула, 2010. 253 с.

References

1. Williams, H. A. (1905). *Visit to Count Tolstoy. Views on the crisis. Some interesting Table-Talk*. Manchester Guardian. February 9. (In English)
2. Makovitskii, D. P. (Dnevnik) 1905. (1979). *Makovitskii. U Tolstogo, 1904—1910* [Makovitsky. Visiting Tolstoy]. “Yasnopolyanskies zapiski”: V 5 kn. AN

SSSR. In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. Moscow, Nauka, 1979—1981. Kn. 1: 1904—1905. Pp. 121—482. Moscow. (In Russian)

3. Yeats, W. B. (1999). *Collected Works of W. B. Yeats* Vol. III: Autobiographies. 560 p. New York. (In English)

4. Deane, S. (1991). *The Field Day. Anthology of Irish Writing*. Vol. 3. 1483 p. Derry. (In English)

5. Lynch, A. (1928). *Synge. The Irish Statesman*. Dublin. 11 (7). (In English)

6. Murray, J. (1937). *Stephen MacKenna and Plotinus*. An Irish Quarterly Review. No. 102, pp. 190—206. <http://www.jstor.org/stable/30097402> (accessed: 24.12.2024). (In English)

7. Mackenna, S. (1936). *Journal and Letters of Stephen Mackenna*. 354 p. London. (In English)

8. Richardson, R. D. (1995). *Emerson: The Mind on Fire*. 671 p. Berkeley. (In English)

9. Alekseeva, G. V. (2010). *Amerikanskies dialogi L'va Tolstogo (po materialam lichnoj biblioteki L. N. Tolstogo)* [American Dialogues of Leo Tolstoy (based on the personal library of Leo Tolstoy)]. 253 p. Tula. (In Russian)

The article was submitted on 15.01.2025

Поступила в редакцию 15.01.2025

Асташенкова Мария Фрэнковна,
аспирант,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1.
mariastash@yandex.ru

Astashenkova Maria Frankovna,
graduate student,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
mariastash@yandex.ru